

Граф был бы доволен

Шереметевские вечера Мариинского театра

Второй год в конце февраля в Мариинском театре проходят "Шереметевские вечера" — серия симфонических и хоровых концертов с нестандартными программами и умеренными ценами на билеты. Идею таких общедоступных концертов театр позаимствовал у графа Александра Дмитриевича Шереметева, известного меломана и мецената, который на рубеже XIX—XX веков положил начало этой музыкальной традиции в Петербурге. Сегодня маленький зал Фонтанного дома — бывшей усадьбы Шереметевых — конечно, не мог бы вместить хор и большой оркестр, потребности для исполнения монументальных опусов Малера, Гайдна и Верди. И потому на рубеже XXI века концерты перенесли в Мариинку.

"Вечера" самым парадоксальным образом открылись двенадцатью концертами с участием Ольги Бородиной и Валерия Гергиева: вечером на сцене театра еще догорал костер шумного балетного фестиваля. Первый же из 8 концертов цикла стал подлинным и сокровенным художественным переживанием: Бородина, чье блистательное меццо-питеццо слышат все режиссеры, стала петь из Семи песен последних лет Малера на стихи Рюккерта. Она исполнила их тихо и печально, с непередаваемо щемящей ностальгической интонацией, навевающей грустные, но светлые мысли о быстротечности жизни и бренности бытия. Гибкая нюансировка, филигранная проработка деталей, мерцание света и тени и тончайшие градации эмоционального строя песен, мастерски передаваемые ее голосом, свидетельствовали об истинно высоком классе камерного музицирования, которым овладела оперная, по преимуществу, певица. Под стать ее негромкому пению звучал и оркестр Гергиева: нежно, мягко и хрупко, без обычной для него агрессии и *schutum und drang'a*.

Во втором отделении Молодежный оркестр театра под управлением Гергиева попытался сыграть Пятую симфонию Малера: в целом получилось, но звук струнных был резковат, духовые пару раз кикснули (что неудивительно — в симфонии масса сложнейших соло) и

вообще, оркестр еще явно не выработал своего стиля и *sound'a*, которые были бы узнаваемы с первых тактов.

Вторым важным событием "Вечеров" стало концертное исполнение ранней оперы Верди "Набукко" — опера прозвучала на сцене Мариинского впервые. В концерте были заняты оркестр и солисты театра, а хор был ангажирован в Театре им. Мусоргского. Диржировал Леонид Корчмар — и все сладилося на диво. Опера полна драгоценнейшими хорами и ариями, столь же мелодичными, сколь и ярко характерными. Очаровательная невинность и простота "гитарного" аккомпанемента лишь подчеркивали эту мелодическую роскошь.

Солисты вкладывали в пение столько неподдельного чувства и драматизма, что со сцены буквально искры летели. Ансамбль сложился сильный: Виктор Черноморцев — Набукко, царь Вавилона, Алексей Стеблянко — предводитель иудеев Изамаил, знаменитый эстонский бас Мати Палем исполнил партию первосвященника Захарии, а дочерей Набукко — крошечку Фенену и воинственную Абигаиль изображали Екатерина Семенович и Млада Худолей. Млада Худолей партия Абигаиль не просто пришлась впору — она стала "звездным часом" для молодой певицы, которая продемонстрировала на выигранном вердиевском материале и возможности своего сильного драматического сопрано, и неукротимую страстность характера. Верхние ноты были великолепны, переходы от *forte* к *piano* безукоризненны, скульптурная лепка неоднозначного образа восхищала лаконизмом и точностью деталей.

Хоровая составляющая программы "Шереметевских вечеров" была не менее захватывающей. Камерный хор Николая Корнева, усиленный Государственным симфоническим оркестром Санкт-Петербурга, отданным в безраздельное владение Корневу года полтора тому назад, подготовил три концерта, в которых представил довольно репрезентативную подборку лучших образцов хоровой музыки за последние три века. В своеобразной хоровой антологии прозвучали оратория

Гайдна "Сотворение мира", Литания Моцарта, Месса Шуберта, хорошие сочинения Мендельсона и Брамса (некоторые из них звучали в Петербурге впервые). Последний, третий концерт был отдан сочинениям питерских авторов — Анатолия Королева, Геннадия Банщикова и Георгия Свиридова, который, еще будучи ленинградцем написал свои знаменитые "Курские песни" и раннюю Весеннюю кантату, прозвучавшие в концерте.

"Сотворение мира", одно из лучших творений Гайдна, свежее и живое, как весенняя травка, прошло весьма недурно. Хор пел вполне удовлетворительно, а дивно красивый по тембру голос Марины Шагуч звучал изумительно чисто и проникновенно в партиях архангела Гавриила и Евы. Главный бас театра Геннадий Беззубенков (Рафаил, Адам), как всегда, потрясал густыми масляными нижними нотами и общей степенностью и благообразной положительностью манеры пения, выработанной за долгие годы практики исполнения церковной музыки. Немного портит впечатление оркестр, явно не справляющийся с партитурой и игравший достаточно небрежно, а иногда и невпопад. Да еще выпал из ансамбля молодой тенор Сергей Брага, изображавший архангела Уриила.

Значительно менее убедительным показалось исполнение во втором хоровом вечере культовых сочинений Моцарта, Шуберта и Мендельсона — хотя мендельсоновская обработка протестантского хора *Vom Himmel hoch* в баховском духе сама по себе была интересна по музыке. Линия органичного творческого развития хоровых традиций прошлого нашла свое продолжение на следующем вечере в кантате Анатолия Королева "Два размышления о Божием величестве" на стихи Ломоносова, сочинении 1999 года, в котором композитор умудрился остроумно соединить европейские принципы имитационной полифонии с чисто русской композицией хорового канта на духовные тексты.

Гюляра САДЫХ-ЗАДЕ
Санкт-Петербург

В. Гергиев и О. Бородина